

палачей, т.е. этих неправильных ориентаций общества, он сам начинает калечить других людей своими воззрениями и действиями. Иными словами, психологи поддерживают порядок, обратный тому, о котором так ясно сказано в Евангелии – ищите царство Божие в вас, а остальное приложится. Мы же ищем “остальное”, полагая, что царство Божие в нас, мир и покой души приложатся. Вспомним толстовское – люди только думают, что воюют, торгуют, строят; главное, что они делают – это решают нравственные проблемы, это и есть главное дело человечества. Мы же все перевернули, и главное для нас – стройка, война и торговля. А расплата одна – человеческими душами, искалеченными, уведенными во мрак судьбами, оборванными жизнями. И счет их на многие миллионы в уходящем XX веке. И никакая армия психологов и психотерапевтов не спасет, пока они будут служить перевернутому в нравственном отношении миру.

* * *

И, наконец, последняя часть, последний раздел уроков, обращенных к современной психологии, о котором следует упомянуть. Этот раздел связан не с художественными произведениями, не с религиозно-философским наследием, а с самой жизнью Льва Николаевича.

Толстой в конце своего пути признавался – “писание мое есть весь я”. Действительно, в 90 томах полного собрания сочинений застыло каждое движение его мысли, чувств, выраженных через художественных героев и через многочисленные записи, дневники, заметки. Читай и бери, пользуйся. Но есть и еще одно и, может быть, самое главное произведение Толстого – это его жизнь, его подвиг. Он человек во всех смыслах, и ничто человеческое не было ему чуждо: ни человеческие высоты, ни заблуждения, ошибки, противоре-

чия и падения. Сколь часто жизнь наша и окружающих нас усечена, частична. У одного славное детство, но далее тягостные дни, у другого – чудный период юношества, но потерянные зрелые годы. У Толстого же все выпукло, ярко, полно, весело, на пределе – и детство, и отрочество, и юность, и зрелость, и пожилые годы, и старость. Все возможные кризисы, переживания, искушения как на ладони. Толстой как-то говорил, что считал бы важнейшим делом всей своей жизни описать “возрасты духовные”, чтобы человек, подходя к новому рубежу и перелому, не пугался, а знал, что так было и с другими. Л.Н. не осуществил этой задачи, но сама его жизнь есть ответ. И глядя на нее, мы должны не только благоговеть, удивляться, восхищаться. Мы должны обрести внутреннюю уверенность и не бояться самим возрастать духовно, не пугаться новых рубежей. Ибо рубежи эти, путь этот проходили до нас и другие. И необыкновенно яркий, полный и честный пример – это жизнь Л.Н. Толстого. Ее изучение поможет научному психологу выйти за узкие рамки академической науки, психотерапевту – преодолеть приземленное отношение к пациенту, а всем нам – лучше понять себя и свое высокое человеческое предназначение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 427.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 108–109.
3. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 62. М., 1953. С. 269.
4. Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Республика, 1993.
5. Ульянов П. Обретение // Лит. газета. 1984. 23 марта.
6. Фицджеральд Ф.С. Молодой богач // Американская новелла XX века. М.: Художественная литература, 1976. С. 55–95.
7. Шкловский В. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963.

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ М. КОУЛА “КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ”

ПСИХОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, БИОЛОГИЯ

© 1999 г. А. З. Шапиро

Канд. психол. наук, ст. науч. сотр. Ин-та дошк. образ. и сем. восп. РАО

Культурно-исторический подход все более актуален в самых различных отраслях психологического знания. В частности, к нему велик интерес в области семейной терапии, где много внимания уделяется кросскультурным сравнениям, а также изучению специфики психологической работы с

семьями в конкретной культуре. Нередко культурно-исторической отсылки в рамках семейной терапии весьма поверхностны с точки зрения теории психологии и не учитывают всю психологическую глубину влияний культуры на развитие личности в семейном окружении. Но есть в запад-

ной семейной психологии и семейной терапии и серьезные культурно-исторические наработки, использующие т.н. “нарративные” методы работы с семьями и проявляющие очень большой интерес к российской культурно-исторической психологии, — работам Л.С. Выготского и М.М. Бахтина [10, 13]. В связи с этим выход книги М. Коула [5] и дискуссия вокруг нее представляются очень значимыми для развития данной области знания.

Несомненно, любая концепция (в том числе и теоретико-психологическая) развивается в ходе научных дискуссий. Культурно-историческая теория в этом плане не является исключением. Критика данной теории очень важна для ее развития, особенно если она исходит из того, по выражению В.С. Соловьева, “зерна истины”, которой эта концепция сильна и которую, возможно, искажает (именно поэтому она нуждается в критике); ученые же, осуществляющие критику, должны рассматриваться скорее как друзья данной концепции, способствующие ее дальнейшей разработке и усовершенствованию, чем ее непримиримые оппоненты. Поэтому следует особо отметить усилия А.В. Брушлинского и его вклад в развитие культурно-исторической теории, сделанный им в ряде критических публикаций на протяжении более 30 лет, в частности, за его критическую статью на книгу М. Коула [3]. Вместе с тем очевидно, что не только “деятельностный”, но и любой другой аспект могут быть в центре внимания такого обсуждения. В частности и те, которые вынесены в название настоящей статьи и связаны с проблемой качественной специфики человека, роли биологического и социального в его поведении и психическом развитии (эти аспекты также глубоко обсуждаются Брушлинским в упомянутой дискуссионной статье). Тем более, что биосоциальная проблема была действительно очень важна для творчества Выготского, он много говорил о “драме”, противоречиях, которые существуют между природными и культурно-историческими детерминантами развития человека и общения между людьми: человек одновременно является составной частью природы и принципиально отличается от других населяющих ее существ. При этом Выготский подчеркивал противопоставленность биологической и культурно-исторической детерминант в развитии человека. Это обстоятельство отмечает Коул [5, с. 245], критикуя Выготского (что совпадает с позицией Брушлинского [3, с. 4]) за то, что тот “не учитывает коэволюцию культуры и человеческого тела”. Здесь важно, что понимается под “биологическим”, принимается ли во внимание его эволюционно-генетический аспект?

Традиционным для психологии является представление об индивидуе как о живом организме, включенном в процесс непрерывного взаимодействия с внешней средой: взаимодействуя со сре-

дой и с помощью физиологических механизмов приспособляясь к ней, организм изменяет свое состояние путем поиска оптимальных реакций и фиксации наиболее адекватных из них. Таковы самые общие условия возникновения и первоначального функционирования психики, которые были введены в психологию под влиянием учения Ч. Дарвина, включившего психическое отражение (а также и психику человека) в качестве неотъемлемой части в единую цепь эволюции органического мира. Вместе с тем, вне рассмотрения теоретико-психологической мысли (в том числе и культурно-исторической теории) оказались принципы генетики, также идущие непосредственно от Дарвина, универсальные для всей живой природы и более общие по сравнению с закономерностями адаптации организма к среде. С позиций современной биологии самым общим критерием жизни выступает воспроизведение индивидом себе подобных и поддержание, согласно генетической программе, специфической структуры данного организма. Поэтому психологам, изучающим вопрос о природе и качественной специфике развития человека (как последователям Выготского, так и его критикам), следует не конструировать свою собственную, удобную для них биологию, но обратиться к современным исследованиям эволюционно-генетических основ социального поведения животных и человека — современной социобиологии (работы Э. Уилсона (E. Wilson), Ч. Ламсдена (Ch. Lumsden), Р. Докинса (R. Dawkins), Д. Бараша (D. Barash) и др. [7, 9, 11]).

Представления о качественной специфике поведения и психики человека по сравнению с поведением и психикой животных должны учитывать не только познавательные функции, но и источники взаимоотношений между индивидами, в том числе и прежде всего — в семье. В предельно заостренной формулировке это звучит так:

существуют ли филогенетические (эволюционно-генетические) предпосылки человеческой личности наряду с аналогичными предпосылками сознания, мышления, традиционно изучаемых сравнительной психологией и зоопсихологией? Как классические, так и новейшие психолого-гуманистические подходы (в том числе и семейная терапия), правомерно противопоставившие себя сциентизму бихевиоризма и психоанализа, которые по сути дела ориентировались на негативные стороны человеческой природы, и утверждавшие принципиальную позитивность человеческого индивида, оставили совершенно непроработанным вопрос о культурно-исторических и эволюционно-генетических источниках этой позитивности, давая простор как биологизаторским (тезис о врожденности добрых человеческих чувств), так и социологизаторским (тезис об универсально негативном влиянии социума на развитие ребенка) тенденциям в психологических ин-

терпретациях развития личности в семье и внутрисемейных взаимоотношений.

Можно утверждать, что и культурно-историческая теория недостаточно проработана в общебиологическом (эволюционно-генетическом) контексте и с этим связан недоучет семейного контекста, но этот упрек можно также бросить любой теории психологии. (Как раз в рамках культурно-исторической психологии такие работы ведутся, например А.Г. Асмолов [1, с. 137–153] разрабатывает историко-эволюционный подход к личности; также см. [7, 10]).

Здесь уместно было бы коснуться полемики по поводу биосоциальной проблемы между Л.С. Выготским и С.Л. Рубинштейном. Согласно основному тезису Рубинштейна (“внешнее через внутреннее”), эволюционно-биологические и культурно-исторические влияния по отношению к психическому развитию человека не следует противопоставлять, они находятся в нерасчленимом единстве; источник психического развития и поведения человека помещается вовнутрь индивида, в его врожденные психофизиологические механизмы. Можно полагать, что эта точка зрения на определенном уровне ее теоретико-психологического рассмотрения находится ближе к концепции гено-культурной коэволюции социобиологов Ч. Ламсдена и Э. Уилсона, не являясь, конечно, тождественной ей, но, вместе с тем, не противостоя ей столь резко, как позиция Выготского. Согласно последнему, человек не может жить и развиваться на основе своих внутренних врожденных предпосылок, он, в отличие от животного, без внешних культурных опор представляет собой существо дисгармоничное и дисорганичное.

У человека гармония воссоздается культурой, извне, в социальной ситуации развития субъекта. Причем в точке зрения Выготского следует отличать “символически-ориентированные” и “акмеистически-ориентированные” интерпретации, которым в русской литературе начала XX века соответствовали позиции А. Белого и О. Мандельштама: если для первого культурное – это как бы противоположное природному, всецело антибиологическое, то второй рассматривал природу как позитивную модель для культуры, к гармонии которой человеку следует стремиться, подражая ей, что хорошо зафиксировано в понятии “геном культурного развития”, предложенном В.П. Зинченко.

В связи с вышесказанным можно утверждать, что специфику человеческого детства следует искать не столько в биологическом устройстве организма младенца, сколько в особенностях социальной организации системы взрослый–ребенок: если взаимоотношения между родителем и ребенком для всей живой природы имеют эволюци-

онно-генетическую детерминацию и репродуктивный смысл, то у человека они исходно продуктивны. Ребенок для воспитывающего его взрослого, в частности родителя, выступает (или должен выступать) как самодостаточная и самоценная “личность”, что в значительной степени определяет качественную специфику человеческого психоонтогенеза: “постепенное восхождение на все более высокие ступени и стадии одной и той же, всецело человеческой жизни” [2, с. 11]. Например, неправомерно говорить о родившемся слепоглухом ребенке “полурастение–полуживотное”, исходя из несовершенства его организма и имея в виду исходную включенность биологически неполноценного индивида в систему общечеловеческой культуры, а также в конкретную социально-культурную систему, важнейшим элементом которой является семья.

Следует согласиться с Брушлинским, который пишет: “В психологии особенно важно учитывать огромное многообразие взаимосвязей между каждым отдельным человеком и всем обществом в целом, не сводя социальность лишь к влиянию общества на индивида как на пассивного объекта общественных воздействий. Не только общество влияет на индивида, но и индивид, как член общества, влияет на последнее” [6, с. 200]. Отметим только, что данное противоречие может быть снято, если будет учитываться “социобиологическое измерение” и “семейный контекст” происходящего перехода от “социального” к “индивидуальному” и обратно, т.е. учитываться следующее обстоятельство: “семейное” является очень важной частью “социального” (в частности, этот аспект должно в себя включать представление о “социальной ситуации развития” [13]).

Можно полагать, что из-за непроработанности общебиологических основ, культурно-исторический контекст в теории Выготского оторван от конкретно-исторического, прежде всего – от семейного. Культурно-историческая теория действительно не учитывает семейного измерения человеческой жизни, то обстоятельство, что развитие человека (в том числе его психики и личности), как правило, происходит в условиях биологической семьи. Возможно именно здесь необходимо увидеть зону ближайшего развития культурно-исторической психологии, так как семья – одна из самых существенных и фундаментальных характеристик социального окружения, отражающая биосоциальную природу человека. Отнюдь не абстрактные “взрослые”, а, как правило, биологические родители ребенка создают для него “зону ближайшего развития”.

Для того, чтобы культурно-историческая теория могла быть применена в качестве теоретико-психологической основы в психологической помощи семье и семейной терапии, необходимо ее

соотнесение с "субъектным" подходом, целостностным взглядом на человека (он присутствовал в "раннем творчестве" Выготского, но потом пропал [4, 8, 12]). Любой член семьи, даже новорожденный — субъекты: этот тезис имеет чрезвычайно важное значение для семейной терапии (его следовало бы еще дополнить пониманием семьи в целом как тоже субъекта). Все члены семьи самодостаточны и в этом равны друг другу. "Субъектности" каждого члена семьи и семьи в целом может быть поставлено в соответствие представления современной семейной терапии (Ф. Волш) о "сопротивляемости семьи", "психологическом потенциале семьи" ("family resilience"), а также понимание "субъектности" психотерапевта, работающего с семьей. Психотерапевт не может дать семье больше, чем ее члены могут сделать друг для друга, он лишь способствует запуску позитивного семейного механизма; например, как это происходит при использовании "нарративных подходов" в ходе "ко-текстирования элементов семейной культуры" (В. Зельцер).

Здесь семейный терапевт напоминает, по словам классика семейной терапии К. Витакера, Волшебника Страны Оз: героиня этой сказки Л. Баума Дороти и ее друзья решили, что только Волшебник может избавить их от проблем. Но в действительности они во всех ситуациях опирались на собственные ресурсы, в том числе и на те, которые они обнаруживали в их социально-культурном окружении и находили адекватные решения самостоятельно, правда часто не отдавая себе в этом отчет. Волшебник же был всегда рядом, не вмешиваясь в их жизнь (позиция "внезаходимости", по М.М. Бахтину), но оставаясь в "центре своей собственной жизни".

Таким образом, на примере такой конкретной области психологического знания, как психологическая помощь семье и семейная терапия, можно показать: творческое взаимодействие (посредством дискуссии, диалога, в том числе и "через границу") теоретико-психологических подходов может оказаться очень конструктивным и полезным. Кроме того, "диалог концепций" может иметь и позитивное социально-нравственное значение для повышения роли теории психологии вообще и научно-психологической критики в частности.

Необходимо также осмыслить и преодолеть и то катастрофическое бедственное положение, при котором отечественные теоретики психологии (а их не так уж много!) слушают себя, но не друг друга; когда психологической теорией не только мало занимаются исследователи, но она

не популярна у студентов, а новые практически-ориентированные психологические журналы часто отказываются публиковать теоретические статьи, как не имеющие спроса у читателей. Однако психологическое сообщество не будет полноценным без голоса психологической теории. Вот почему так актуальны публикация книги М. Коула и критические отклики на нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва-Воронеж, 1996.
2. *Брушлинский А.В.* О природных предпосылках психического развития человека. М., 1977.
3. *Брушлинский А.В.* Деятельность и опосредствование // Психол. журн. 1998. № 6. С. 1-9.
4. В поисках Выготского (материалы обсуждения книги М.Г. Ярошевского "Л.С. Выготский: в поисках новой психологии") // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1994. № 4. С. 57-58.
5. *Коул М.* Культурно-историческая психология / Пер. с англ. М., 1997.
6. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997.
7. *Шапиро А.З.* Психолого-гуманистические проблемы позитивности-негативности внутрисемейных взаимоотношений // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 45-55.
8. *Шапиро А.З.* Духовно-религиозные мотивы в жизни и творчестве Л.С. Выготского // Московский Психотерапевтический Журнал. 1996. № 4(16). С. 146-147.
9. *Шапиро А.З.* Л.С. Выготский, современная социобиология и семейная психология // Культурно-исторический подход: развитие гуманитарных наук и образования. Тезисы Международной конференции. М., 1996. С. 179-180.
10. *Shapiro A.* Family therapy and psychological theory interconnections: indifference or collaboration? Is there a need for theoretical family psychology? // The International Connection. 1997. V. 10. № 2. P. 7-11.
11. *Shapiro A.* The concept of positivity in family therapy and the task of psychological assistance to the contemporary Russian family // J. of Russian and East European Psychology. 1997. V. 35. № 6. P. 73-92.
12. *Shapiro A. L.S.* Vygotsky's "Hamlet Period": The turning point. "Vygotsky in theory—Vygotsky in practice / Proceedings from the Vygotsky Seminar in Trondheim 1996". Trondheim, Norway. 1997. P. 23-28.
13. *Shapiro A.* Family psychology and L.S. Vygotsky's concept of "the social situation of development". "Vygotsky in theory—Vygotsky in practice" / Proceedings from the Vygotsky Seminar in Trondheim 1996". Trondheim, Norway 1997. P. 29-32.